

Номинация в он-лайн журнал "Живая Лента". Конкурсная подборка лауреата Международного литературного конкурса "4-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2015".

Александр КУЛИКОВ, Владивосток (Россия)

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОИСЕЯ

Возвращение Моисея

1.

На ослике, потомке тех ослов,
Чей предок на себе возил Иуду,
Неважный ткач косноязычных слов,
Въезжает он в Египет. Отовсюду
Идут к нему старейшины. И чуду
Дивятся: посох наземь кинув свой,
За ним, за уползающей змеей,
Бежит он и за хвост гадюку тащит.
И вот уже, как будто бич свистящий,
Рогатая взмывает над толпой.

2.

И, в ужасе отпрянув от змеи,
Стоят, оцепенев. Стихает ропот.
И слышно, как трава шуршит, земли
Касаясь там, где в ней змеятся тропы.
Саманщики стоят и глинокопы,
Оцепенев от страха, и глядят,
Как, дельту Нила обогрив, закат
Затем и русло делает багровым.
Лягушки квакают. Мычат коровы.
Сбиваясь в тучи, комары гудят.

3.

И снова в Моисеевой руке
Из кипариса вырезанный посох.
И снова тихо, и вода в реке
Становится небесней купороса.
«Быть пеклу!» – радуются водоносы.
«А где солому брать для кирпичей?»
«Явился! Проку от его речей!»
«Того гляди дойдет до фараона!»
«Пес мадиамский! Здесь ты вне закона!»
... Горит огнем в терновнике ручей.

4.

И, озирая Гесем, видит он
То место у плотины, где когда-то
Меч обнажил, услышав плач и стон,
Внезапным чувством ярости объятый.
Вот здесь лежал надсмотрщик проклятый,
Убитый этой самою рукой,
Которую сейчас перед собой,
Всю в струпьях, пораженную проказой,
Он держит, потрясенный сам, что сразу,
Вмиг она стала страшною такой.

5.

И, в ужасе отпрянув от руки,
Торчащей будто сикомор трухлявый,
Погонщики стоят и рыбаки,
Оцепенев, крик проглотив картавый.
Над ними черных оводов оравы.
Мычат коровы. Страшно воют псы,
Как будто всем последние часы
Приходят. Будто им последним часом
Стал миг, когда тлетворный запах мяса
Гниющего поймали их носы.

6.

И снова Моисеева рука –
Живая плоть, свидетельство обмана.
«Да сколько можно слушать дурака?!»
«И правда! Завтра подниматься рано».
«Мед с молоком! А, может, с неба манна?»
«По агнцу – всем! Наглее нет лжеца!»
«Скажи еще, из золота тельца!»
«Да что тельца! Все золото Египта!»
«Вы поглядите на него! Вот тип-то!»
... Столп света, словно посох, у дворца.

7.

И, глядя на дворец, где был он юн,
Где жил как сын, хотя и не был сыном,
Где Ливия, касаясь нежных струн,
Смотрела кротко и невыносимо,
Откуда он с проворностью крысиной
Бежал, – он вспомнил, что бежал сюда,
Что так же под папирусом звезда

Качалась и ступни боялись ила.
И, как тогда, он зачерпнул из Нила.
И кровью стала на песке вода!

8.

И, в ужасе отпрянув от того,
Кто кровью обагрил песок белесый,
Стоят, не понимая ничего,
Носильщики, гребцы, каменотесы.
А над дворцом – столп огненный, и косо
По мирным крышам бьет термитный град,
И прямо в окна молнии летят,
И кровь закланных агнцев льет ручьями,
А саранча орудует мечами,
И тьмою липкой город весь объят.

9.

И только здесь, где Моисей воздел
Свой жезл над головами иудеев,
Как будто бы пролег водораздел
Меж тьмой и тьмой и каждый шепчет: «Где я?»
«В глазах туман, и сердце холодеет!»
«Зачем в руке у каждого из нас
Меч или нож? Чья очередь сейчас?»
«За что нам эта страшная расплата?»
«Кого убить я должен? Друга? Брата?»
«Того, кто ближе», - раздается глас.

10.

«Спи, мой сыночек, долгой будет ночь.
А утро в Фивах так и не наступит.
Одной мне эту боль не превозмочь,
Не истолочь, как горький корень, в ступе.
Никто не украдет ее, не купит.
Ну, разве только поделюсь с тобой
В тот день, когда твой первый на убой
Пойдет. С тобой, счастливая Мария,
Я криком поделюсь: «Да хоть умри я,
Он не воскреснет, бедный мальчик мой!»

А где отец? Да на войне

- А где отец? – Да на войне.

- Тогда я подожду, пожалуй.
- Да я разогревать устала.
Садись, поешь немного. – Не.
И поглядел в окно. В окне –
заросший двор, и там, у тына,
о чем-то явор и калина
все время шепчутся. – Ты сам
стрелял сегодня? – По кустам.
Так что душа моя невинна.

Смеркается. На стол свечу
мать ставит, коробком грохочет.
- Да где ж он ходит?! Дело к ночи...
Поешь, сыночек. – Не хочу.
... А явор клонится к плечу
калины в брызгах спелых ягод.
Смеркается. Как будто флягу
трясут, перевернув верх дном,
накрапывает за окном
чуть слышно. – Мама, я прилягу.

Чуть слышно явор слезы льет.
Доносится гусиный гогот.
Выходят гуси на дорогу,
проходят первый поворот,
а там встречает их осот,
встающий во поле полками,
стучащий в небо кулаками,
пока не грянет гром в ответ...
Он спит, устал и не раздет,
Во сне играя желваками.

- Вставай, сынок! Вставай – беда.
... Огонь свечи дрожит во мраке,
откуда слышен вой собаки
и где стеной стоит вода,
сверкающая, как слюда,
как будто падает с плотины.
... В дверях стоят, сутуля спины,
и на пол капает с плащей.
- Там, на развилке, где ручей,
нашли его в кустах калины.

Страстная

Я думал: что ж, переживу

Я эту странную Страстную
С ее страстями наяву –
Уеду в сторону лесную,

Уйду куда глаза глядят,
Дорогой успокою сердце.
Но... целый мир сошел во ад,
И некуда отныне деться.

Отныне каждый тополь – зверь
С глазницами пустых скорешен.
И каждый праведник теперь,
Что б ни сказал, навеки грешен.

Войной идет на брата брат
По мирным улицам Одессы,
И люди заживо горят,
И во плоти ликуют бесы.

